

П. И. Гайденко

Княжеская расправа над иноками Василием и Феодором Печерскими (каноническо-правовая сторона совершившегося)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_170

Аннотация: Конец XI в. стал одним из драматичных периодов в истории Киево-Печерского монастыря. Обитель несколько раз подвергалась опале со стороны представителей правящего княжеского рода, а трое ее иноков погибли. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть с позиции права и канонических норм своего времени события, связанные со смертью двух иноков: Феодора и Василия. Поводом для возникшего конфликта стал донос о том, что монах Феодор нашел клад и утаил находку, не сообщив об этом князю. Анализ описанной в патериковом рассказе ситуации позволяет заключить, что претензии Мстислава, брата великого князя, к отшельнику были небезосновательны. Однако несомненно то, что допрос оказался излишне жестоким, а мучители монахов не поверили искренности ответов. Именно это обстоятельство не позволяет признать правоту князя Мстислава. Тем не менее, столь же очевидно и то, что утаив факт находки клада, иннок Феодор совершил проступок, вступавший в противоречие с нормами права на Руси и в Византии.

Ключевые слова: Киевская Русь, каноническое право, Римское право, Древняя Русь, история Русской церкви, история церковного права.

Об авторе: **Павел Иванович Гайденко**

Доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета; старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения имени М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины; председатель редакционного совета журнала «Палеороссия».

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Ссылка на статью: Гайденко П. И. Княжеская расправа над иноками Василием и Феодором Печерскими (каноническо-правовая сторона совершившегося) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 170–180.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Pavel I. Gaidenko

**The Princely Massacre of the Monks
Basil and Theodore of the Caves
(the Canonical-Legal Side of the Act)**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_170

Abstract: The end of the 11th century became one of the most dramatic periods in the history of the Kiev Caves Monastery. The monastery was desecrated several times by representatives of the ruling princely family, and three of its monks died. In the present article, an attempt is made to consider from the standpoint of law and canonical norms of its time the events associated with the death of two monks: Theodore and Basil. The reason for the conflict was the denunciation that the monk Theodore found the treasure and hid the find without informing the prince about it. An analysis of the situation described in the patericon story allows us to conclude that the claims of Mstislav, the brother of the Grand Duke, to the hermit were not unfounded. However, there is no doubt that the interrogation turned out to be too cruel, and the tormentors of the monks did not believe the sincerity of their answers. It is precisely this circumstance that does not allow us to recognize the correctness of Prince Mstislav. Nevertheless, it is just as obvious that by concealing the fact of finding the treasure, the monk Theodore committed an offense that contradicted the norms of law in Russia and Byzantium.

Keywords: Kievan Rus, canon law, Roman law, Ancient Rus, history of the Russian Church, history of church law.

About the author: **Pavel Ivanovich Gaidenko**

Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Linguistic University; Senior Researcher, M. S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Study, National Academy of Sciences of Ukraine; Chairman of the Editorial Board of the Journal "Paleorosia".

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Article link: Gaidenko P. I. The Princely Massacre of the Monks Basil and Theodore of the Caves (the Canonical-Legal Side of the Act). *Khristsianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 170–180.

История взаимоотношений древнерусских монастырей XI–XIII вв. и княжеской власти давно притягивает к себе внимание исследователей и отмечена целой плеядой имен, среди которых особо выделяются имена митр. Макария (Булгакова), Е. Е. Голубинского, Я. Н. Щапова, В. Л. Янина, А. В. Назаренко, Л. А. Секретарь, А. Е. Мусина, М. А. Несина, В. И. Ульяновского и многих других. Однако, невзирая на значительные и несомненные достижения в этой области, по-прежнему многое в прошлом древнерусских обителей и в истории их контактов с представителями правящего рода в XI–XIII вв. полно лакун. Примечательно, что порой эти исторические «разрывы» и «утраты» обнаруживаются там, где, казалось бы, все уже давно изучено и многократно пересмотрено. Одним из примеров отмеченной ситуации может служить патериковая история, сообщающая о жестоком суде князя Мстислава Святополковича над двумя монахами Печерской обители, Василием и Феодором [Киево-Печерский патерик, 2004, 443–456]. Примечательно, что по своему содержанию она пересекается с другими подобными рассказами: во-первых, с историей инок Прохора, вступившего в конфликт с княжеской властью из-за монастырской соли [Киево-Печерский патерик, 2004, 426–435], и, во-вторых, со сказанием еще об одном насельнике обители прпп. Антония и Феодосия, иноке Григории. Ему также пришлось пострадать от рук воинов великокняжеского родственника Ростислава Всеволодовича, младшего брата Владимира Всеволодовича Мономаха [Киево-Печерский патерик, 2004, 410–412]. Единство этих сюжетов привлекло внимание еще А. А. Шахматова, обратившего внимание на то, как один из авторов древнерусского летописания игумен Сильвестр «не случайно» предпочел не упоминать эти печальные события в составлявшемся им своде [Шахматов, 2003, 173]. Можно вполне согласиться и с М. Д. Приселковым, высказавшимся за то, что Патерик выступал своего рода обращением не только к самой братии, но и к княжеской власти, которой напоминалось о ее долге почтительного отношения к монастырю и его братии [Присёлков, 2003, 222].

Все перечисленные рассказы интересны уже тем, что дают основание говорить о крайне неоднозначном не только социальном, но и правовом статусе древнерусского монашества. Данное обстоятельство примечательно. Все же первые поколения русских инок были представлены преимущественно выходцами из числа знати или, по меньшей мере, из среды свободного населения, мужей [Гайденко, 2015а, 48–78; Гайденко, 2015б, 31–53]. Их жизнь и имущество ограждались нормами русской правды, а принадлежность к кругу людей того или иного князя могла иметь определяющее значение в занятии высших церковных должностей. Только по одной этой причине совершенные князьями и их людьми расправы над печерскими монахами видятся чем-то несвойственным для отношений между князьями и патронировавшими ими иноками. Патерик описал произошедшее как результат княжеской прихоти и безрассудства, что особенно хорошо обнаруживается в действиях захмелевшего от вина Мстислава Святополковича¹. Однако не все в этих историях однозначно.

Принимая во внимание эмоциональную сторону княжеского решения, нельзя не признать, что действия князей не вызвали неприятия со стороны их окружения и родни. Во всяком случае, об этом ничего не известно. А следовательно, логично предположить, что жестокая решительность Мстислава и Ростислава, на совести которых оказались смерти трех черноризцев, имела свои основания и виделась современникам и свидетелям совершённого как нечто вполне закономерное.

Заслуживают упомянутые сюжеты внимания еще по одной причине. Подробность, с какой в Патерике были изложены обстоятельства гибели монахов Григория, Василия и Феодора, позволяет более пристально посмотреть на правовую статус самих князей и на особенности восприятия этих прав в самой иноческой среде. Несомненно, агиографические тексты, к которым должен быть отнесен и Печерский патерик, не преследовали цели точного отражения исторических реалий. Они передавали

¹ Патерик так описывает произошедшее: «Разгневался князь и повелел бить его без милости. Не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия» [Киево-Печерский патерик, 2004, 455].

смыслы и создавали образы. И все же особенностью Печерского патерика необходимо считать историчность доносимых им рассказов, что обладает для исследователей подкупающей и безусловной ценностью.

Сюжеты гибели прп. Григория, а также Феодора и Василия схожи. Единными видятся и оценки поступков князей в иноческой среде. В обеих историях князья подвергаются со стороны монахов осуждению, однако приходится признать, что далеко не все современники произошедшего разделяли эту оценку. Если в Патерике оба обидчика, получив заслуженное воздаяние, так и остались образами отрицательными, то в летописании и, особенно, в эпосе, формировавшемся в «светской среде», личности князей оценивались иначе. Так, юный Ростислав остался в памяти киевлян не убийцей, а прекрасным молодым князем, чья гибель стала настоящим горем для дружины и родных. Более того, юный Всеволодович был погребен с огромными почестями. Достаточно заметить, что это первое княжеское погребение, в котором было отмечено участие епископов [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 211–212]. Именно таким рисуются его похороны² и предстает его образ в «Слове о полку Игореве»³. Более скупы оценки гибели Мстислава Святополковича. Однако и они оказались лишенными какого бы то ни было обличительного тона⁴. Впрочем, образы князей и их жертв в историографии изучены с разной степенью глубины. Если история прп. Григория и образ его убийцы князя Ростислава Всеволодовича были с предельной аккуратностью рассмотрены в специальном исследовании В. И. Максимова [Максимов, 2014, 886–897], то обстоятельства смерти прпп. Василия и Феодора, как и действия их мучителя Мстислава, оказались менее интересными для ученых. Обделенными вниманием оказались и вопросы каноническо-правовой стороны случившегося. Практически все, кто обращался к произошедшему, априори принимали сторону агиографа. Но насколько тот был прав, вынося свое суждение?

Об истории мученической кончины прп. Василия и Феодора сообщает 33-е Слово Киево-Печерского патерика. Оно относится к той половине этого большого сборника монашеских рассказов, которая принадлежит перу инока Поликарпа, автора обширного послания к Печерскому архимандриту Акиндину. Вероятное время

² Образ Ростислава в «Слове» приобрел едва ли ни романтические черты: «Ростислава же искаше ѡбрѣтоша и в рецѣ . и вземше и принесоша и Киеву . ѿ плакаса по нѣмъ . мѣи его . ѿ всі людье плаѣша по немъ по велику оуности его ради . и собраша епѣпы и поповѣ . і чернорисцѣ . и пѣсни ѡбычныѣ пѣвше . и положиша въ црѣви стѣѡѣ Софѣѣ . оу ѡѣа своего» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 212].

³ «Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струя имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ Плачется мати Ростислава по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобоу, и древо с тугою къ земли прѣклонилось» [Слово о полку Игореве, 2004, 254–267].

⁴ Заслуживает внимания то, что, сообщая о смерти Мстислава и ее обстоятельствах, летописание не выносит умершему от раны князю никаких приговоров и оценок, ни политических, ни нравственно-религиозных, и никак не связывает произошедшее с какими-либо проступками прошлого. Это очень рознит позиции летописца, сохраняющего к князю «нейтральное» отношение, и автора патерикового рассказа, связавшего гибель князя с совершённой им ранее расправой над иноком: «и ста Дѣвѣ ѡступивѣ городѣ . и часто (оуст) приступаше . единоу пустиша къ граду подѣ вежами . ѡнѣмъ же бьющимсѣ съ града и стрѣляющимъ межи собою. идаду стрѣлы акы дождѣ . Мьстиславу же хотѣщю стрилити . внезапно вдаренѣ быс подѣ пазуху стрѣлю . на заборолѣхъ скважнею . и сведоша и . и на ту ноцѣ оумре . и таиша его . ѿ . днѣ . и в четвертыи днѣ повѣдша и на вѣчи» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 246–247]. Сообщая о последних мгновениях князя, автор патерикового повествования представил происходящее как исполнение предсказания и исполнение Божественной воли: «Не по мнозех же днешѣ самъ Мстиславъ застреленъ бысть в Володимери на забралѣхъ, по проречению Василиеву, биася съ Давидомъ Игоревичемъ. И тогда позна стрѣлу свою, еуже застрѣли Василиа, и рече: „Се умираю днѣсь преподобных ради Василиа и Феодора“. Да збудется реченное Господомъ: „Всяк, взимаай нож, ножем умирает“. Понеже незаконно уби, и самъ незаконно убиенъ бысть. Сиа же мученичскый венецъ приаша о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашем, ему же слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ» [Киево-Печерский патерик, 2004, 456].

составления рассматриваемого повествования о печерских отцах — первая треть XIII в. А. А. Шахматов высказывался за то, что, скорее всего, большую часть своего труда Поликарп выполнил между 1214–1222 гг. [Шахматов, 1897, 3–4]. В отмеченный период обитель и ее внутренний строй переживали период ослабления монашеского единства. Кажется, на данном этапе культурное и духовное влияние монастыря на Киев, а точнее на городскую элиту и княжескую власть, оставалось минимальным. Последнее отчетливо обнаруживается не только в исчезновении печерской тематики из летописания, но и в событиях 1182 г., когда на игуменство в монастырь по воле братии был призван не насельник Печерского монастыря, а киевский священник Василий⁵. Его поставление не было лишено интриги, поскольку восстанавливало власть киевской митрополичьей кафедры над прославленной обителью⁶. Главными виновниками сложившегося положения дел являлись сами насельники, а поэтому Патерик служил напоминанием братии о подвигах их предшественников. Однако в данном случае интерес представляет не назидательная сторона рассказа, а обстоятельство совершившегося. И жанр патерика, для которого характерна историчность и откровенность — черты, свойственные монашеской грубой прямолинейности, в определенном смысле служит залогом того, что изложенные в рассказах события вполне правдоподобно отражают канву и суть происходившего.

Согласно патериковому повествованию, инок Феодор проживал в варяжских пещерах вне стен монастыря⁷, в которых некогда подвизался прп. Антоний⁸. Источник ничего не говорит о происхождении инока, но судя по тому, что, например, Феодор раздал свое имущество бедным и в дальнейшем скорбел о своей материальной скудости ввиду наступающей старости, можно заключить, что, скорее всего, монах происходил из круга знати или дружины. Впрочем, даже если признать, что упоминание о раздаче иноками находившихся в их распоряжении средств было традиционным для агиографического сюжета приемом, применение данной характеристики в отношении конкретного монаха могло считаться уместным только в том, случае, если бы чернец такими «богатствами» действительно обладал. При этом Феодор руководствовался советами другого инока, Василия, который проживал в своей пещере отдельно.

⁵ «По смерти же его (игумена Поликарпа. — П. Г.) бысть мятежь великъ в монастырѣ. По старци оном не могоша себѣ избрати игумена, и бысть скорбь велиа въ братии, туга и печаль — не подобаше бо таковому великому стаду ни единого часа бес пастыря быти. Въ вторникъ же убо братиа удариша в било, и снисдошася вси въ церковь, и начаша мльбы творити къ святей Богородици. И се дивное бысть дѣло, яко единѣми усты мнози рекоша: „Послемся к Василию попу на Щековицю, дабы был нам игумень и правитель иноческому стаду Феодосиева монастыря Печерскаго“. И пришедше, вси поклонишася Василию-презвитеру и рекоша: „Мы, вся братиа, иноци, кланяемся тебѣ и хощем тя имѣти отца, игумена себѣ“» [Киево-Печерский патерик, 2004, 486].

⁶ Восстановление митрополичьей власти над обителью было достигнуто через посредство монашеского пострига пресвитера Василия и его игуменскую хиротесию, полученные из рук митрополита и бывшего насельника обители туровского епископа Лаврентия [Галимов, 2019, 80–81].

⁷ О том, что пещеры, в которых жил и трудился Феодор, располагались вне ограды обители, можно судить на основе деталей, присутствующих в патериковом рассказе. Например, повествуя о стараниях прп. Василия, желавшего молитвенно поддержать Феодора, столкнувшегося с действием бесовской силы, Патерик прямо говорит, что «Василий же, сиа вся приимъ, иде в монастырь». Не менее определенно прослеживается удаленность келии Феодора от обители в намерении подвижника переселиться из своего места подвига в монастырь. К этому подталкивала монаха наступающая старость: «Феодоръ же старости ради ис пещеры исходити, кѣлию же себѣ поставити хотя на вѣтхомъ дворѣ» [Киево-Печерский патерик, 2004, 448, 450]. То есть пещера Феодора находилась на некотором удалении от основных построек обители.

⁸ На это указывает сохранившееся в Патерике монастырское предание. Именно на него ссылался в своей беседе с князем прп. Феодор: «Бяше бо Святополкъ в Туровѣ. Феодоръ же рече: „Ей, обретох и нынѣ съкровено есть в пещерѣ,„ Князь же рече: „Много ли, отче, злата, и сребра, и съсудовъ, и кым, слышитси, то съкровено есть?“ Феодоръ же рече: „В Житии святаго Антониа повѣдаеться, Варяжский поклайи есть, понеже съсуды латиньстии суть, и сего ради Варяжскаа пещера зовется и доньнѣ. Злата же и сребра бесчислено множество“. Князь же рече: „Что ради не даси мнѣ, сыну своему? Сѣбе же возми, елико хоцещи“» [Киево-Печерский патерик, 2004, 452, 454].

Переживая эти внутренние терзания, Феодор был подвергнут искушению. К нему явился бес, указавший на спрятанные в пещере богатства. Справившись с этим испытанием с помощью Василия, Феодор решил избавиться от сокровищ и вновь зарыл найденное им⁹. Однако по прошествии времени, когда в Киеве отсутствовал великий князь Святополк Изяславич, бес решил отомстить Феодору. Приняв вид монаха Василия, злой дух явился к княжескому боярину и сообщил тому, что монах нашел сокровища и утаил их от князя. Боярин привел беса к князю, Мстиславу Изяславичу, брату Святополка. Услышав о сокровищах, князь со своими людьми сам приехал к преподобному и забрал подвижника к себе в дом. Здесь отшельника вначале упрасивали, а потом стали пытаться и принуждать открыть место, где он утаил найденное. Силой привели к князю и Василия, который также отказался признавать за собой вину в доносе. В результате князь «не стрѣпѣвъ бо обличения, и шумень бывъ от вина, и възъярився, и вземъ стрѣлу, узави Василиа». В ответ тяжело раненный монах предрек князю гибель от стрелы. Не добившись желаемого, князь повелел запереть монахов до утра. Однако ночью иноки скончались [Киево-Печерский Патерик, 2004, 452–456]. Только после этого к князю явились монахи и забрали тела своих братьев.

Патерик представляет княжеское злодеяние как результат сребролюбия, жестокости и необузданности Мстислава. И все же свести дело к последствиям нравственных несовершенств князя едва ли верно. Малоубедительность такого подхода обнаруживается во множестве деталей, доносимых патериковым рассказом. Например, в истории никак не прослеживается реакция братии обители и ее игумена, что никак не было прокомментировано ни агиографами, ни исследователями. Не менее интересным видится еще одно обстоятельство. События, завершившиеся убийством Василия и Феодора, развивались на фоне больших восстановительных работ после учиненных половцами разгрома и пожара, отмеченных в источниках под 20 июля 1096 г. [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 222–223]. Судя по всему, строительные восстановительные работы оказались большим испытанием не только для братии монастыря, но и для работников, не скрывавших своего раздражения в отношении Феодора, руководившего некоторыми процессами. Рассказ придал этому конфликту особую форму, связав образы недовольных работников с бесами. Из-за тяжелых условий труда среди трудников возникли ропот и недовольство, закончившиеся судебным приговором не в пользу обители¹⁰. Таким образом, создается впечатление, что, узнав об аресте иноков Василия и Феодора, монашествующие предпочли не вмешиваться в происходившее и не вступились за своих иноков. Братия пришла к князю лишь затем, чтобы забрать тела страдальцев. Вероятно, в молчаливой позиции братии обнаруживается монашеское смирение. Однако можно ли это уклонение от возможности защитить братьев во Христе считать проявлением нравственной добродетели? Или же за этим молчанием монастыря скрывается нечто иное?

Никак не оговорена в патериковом рассказе реакция великого князя Святополка Изяславича. По крайней мере, о ней ничего не известно. Без ответа остается и вопрос, кому в итоге должно было принадлежать золото? Как результат дьявольского искушения, оно оценивалось агиографом как подброшенное бесом наследие варягов. Однако стремление автора рассказа перевести проблему в область христианской нравственности не только не разрешает проблему, но и усугубляет ее, акцентируя внимание читателей на настойчивости, с какой князь желал получить сокровища. В результате, можно заключить, судя по всему, Мстислав полагал, что имеет право на обнаруженный клад, и, как позволяет об этом заключить повествование, Феодор

⁹ «Обретенное же съкровище, ископавъ яму глубоку и тамо влож, засыпа, еже от дньий тѣхъ и доньнѣ никтоже съвѣсть, идѣже съкровенно естъ» [Киево-Печерский патерик, 2004, 448].

¹⁰ «Наймите же и извозници въздвигоша крамолу на блаженнаго, просяще найма своего, глаголюще тако: „Не вѣмъ, коую кознию сему древу повелѣлъ еси на горѣ быте“. Неправедный же судна мзду взят от тѣхъ и повелѣ имъ на преподобнемъ мзду взята, тако рекъ: „Да помогут те бѣси платити, иже тебѣ служат“, — не поминаа на ся осуждения Божия, еже неправедно судяй сам осужденъ будетъ» [Киево-Печерский патерик, 2004, 452].

также не отказывал в этом праве князю. Инок лишь не мог вспомнить, где сокрыл найденные сокровища. Но именно в это и не мог поверить князь. Для него Феодор, как лицо, нашедшее клад и сокрывшее его, виделся обманщиком. Таким образом, описанная в Патерике решительность, с какой действовал Мстислав Изяславич, позволяет заключить, что она опиралась на некие основания.

Впрочем, необходимо учесть некоторые обстоятельства. Например, доносимая патериком история приходится на первые годы великого княжения Святополка Изяславича. Этот период в истории монастыря был омрачен тяжелым конфликтом между князем и обителью. Если при этом еще и принять во внимание произошедшее тремя годами ранее убийство монаха Григория, то можно заключить, что отношения Печерского монастыря с властными элитами Киева в 90-е годы XI в. оставались крайне напряженными, чему во многом способствовала ситуация личного конфликта князя и игумена монастыря.

Убийство иноков приходится на период, когда управление обителью находилось в руках игумена Иоанна. Исследователи находят эту личность примечательной и даже знаковой как для истории прославленного монастыря, так и для истории древнерусской письменности¹¹. Поэтому отсутствие в рассказе об иноках каких-либо упоминаний о реакции игумена на произошедшее также видится странным и диссонирует с тем, как образ этого игумена представлен в последующей историографии. Между тем, обличения со стороны Иоанна все же прозвучали. К данному выводу подводит примечательное патериковое известие, сохраненное в истории конфликта печерского монаха Прохора со Святополком. Этот рассказ сообщает одну немаловажную деталь: «Прежде же он (Святополк Изяславич. — П. Г.) питал к нему (игумену Иоанну. — П. Г.) ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь» [Киево-Печерский патерик, 2004, 433]. Следовательно, можно заключить, что Феодор и Василий остались без помощи игумена, поскольку тот уже находился в Турове. Но туда прп. Иоанн попал именно за то, что обвинил Святополка в покушении на имущество монастыря. Именно так логичней интерпретировать слова о «ненасытности и жадности» князя «к богатству», а также «чинимые» им «насилия». В отмеченном контексте история Василия и Феодора, в которой князь и его люди могли вести себя в обители бесцеремонно и самонадеянно, являлась лишь одним из звеньев цепи конфликтов между Святополком и иноками. Подобное неуважительное поведение князя и его дружины хорошо просматривается в истории Прохора, когда люди Святополка изыали в обители всю хранившуюся монастыре соль, включая запасы, находившиеся в руках насельников [Киево-Печерский Патерик, 2004, 431, 433]. Примечательно, что столь же уверенно действовал Мстислав Изяславич, а тремя годами ранее него — Ростислав Всеволодович и его воины. Ни в одном из случаев ни Святополк, ни Владимир не обуздали действия своих родственников и их окружения. А это дает основание предположить, что едва ли произошедшее может быть сведено к никем не ограниченному княжескому самоуправству.

Примечательно еще одно обстоятельство. Судя по тому, что источники ничего не сообщают о реакции киевлян на конфликты княжеской власти и монастыря, судьба иноков не волновала горожан и жителей округи. Для работников из сёл обитель была лишь скупым работодателем, а для княжеского окружения и княжеских слуг — местом безбедного существования лентяев¹². Отсутствовала реакция и со стороны митрополита. По крайней мере, о ней также ничего не известно. Несомненно, такая далеко

¹¹ О личности и вкладе игумена Иоанна в русское летописание см. подробнее работы Шахматова, Присёлкова, Рыбакова, Толочко, Творогова [Шахматов, 2003, 386, 427, 536, 538; Присёлков, 1923, 71–74, 78–86; Рыбаков, 1963, 245, 249, 254, 259; Толочко, 2003, 46–48, 50–53, 56, 63, 68, 70; Творогов, 1987, 210].

¹² Весьма примечательно, что Даниил Заточник был крайне невысокого мнения о монашестве, находя его жизнь порочной и ленивой [Данилевский, 2002].

не всегда справедливая оценка нравственного образа обителя послефеодосиевского времени — упрощенная. И все же как объяснить отсутствие реакции?

Так кто же обладал правами на найденное сокровище? Настойчивость, с какой Мстислав желал получить найденное, позволяет предположить, что князь был уверен в своей правоте.

Древнерусское право рассматриваемого периода не регламентировало вопрос о кладах. Однако вопрос о найденном имуществе, судя по всему, решался на основании того, кому оно принадлежало, на чьей территории было найдено и кем. Например, на основании перечисленных критериев городской судья Новгорода вынес решение о драгоценных сосудах Антония Римлянина, поднятых из Волхова местными жителями [Сказание о житии преподобного Антония Римлянина, 2005, 233–272]. Нечто близкое обнаруживается и в нормах берегового права. И судя по тому, как рассматривался вопрос о найденном имуществе, выброшенном на берег¹³, на Руси ориентировались на римские нормы, действовавшие в Византии и в Западной Европе [Бессуднова, 2015, 135–147]. Такому положению дел во многом способствовали уже сформировавшиеся к этому времени в восточнославянском обществе представления о собственности на имущество и на территорию¹⁴.

Крайне сомнительно, да и невероятно, чтобы Мстислав Изяславич в возникшей ситуации опирался на нормы римского права. Не менее сомнительно, чтобы к этим нормам обращались и насельники обители. Однако эти нормы являлись законами Византии, которыми руководствовались в Церкви. Поэтому попытка рассмотреть произошедшее в контексте законодательства Византии позволила бы понять, насколько оправданными виделись действия князя с позиции законов христианской империи.

Итак, нормы римского права говорили о кладах определенно и предельно ясно. Клад (thesaurus) — это «всякая ценность, которая была где-нибудь сокрыта так давно, что после открытия нельзя уже найти ее собственника». Если клад обнаруживался на чьем-то участке, то «половину клада получал находчик, а другую — владелец земли». То есть «между ними возникала общая собственность». Правда при этом имелись существенные уточнения: если сокровища были обреты «на священном или погребальном месте», то находка «принадлежала находчику целиком», правда, «половина шла в пользу фиска». Однако «если находчик производил розыски клада без разрешения собственника земли, то последний получал все». Более того, если поиск был осуществлен с использованием колдовства, то и в этом случае находчик лишался каких-либо прав на обретенное имущество [Римское частное право, 2012, 209–210].

Действительно, решительные действия Мстислава указывают на то, что князь считал себя вправе потребовать получения если не всего клада, то по крайней мере его доли. Отмеченное отношение хорошо прослеживается в предложении разделить найденное сокровище. Таким образом, сопоставление патериковых сообщений позволяет сделать следующие наблюдения.

¹³ Договор 911 г. предельно ясно описывал и регулировал поведение сторон в случае, если чье-либо судно или имущество выбрасывались на берег: «ащ^е вьвѣржена лодѣе буде^т вѣтромъ велико^и . на землю чюю . и ѿбращются тамо иже ѿ на^е Руси . да аще кто идеть снабдѣти лодью с рухломъ своимъ . и ѿсылати паки на землю крѣтъяньску . да проводимъ ю сквозѣ всако страшно мѣсто . дондеже придетъ в бестрашно мѣсто . аще и таковаѣ лодѣе . и ѿ бурѣ ил^и бороненияѣ земнаго боронима . не можеть възборонитисѣ въ своѣ си мѣста . спотружаемъ-са . грѣбцемъ бо тоѣ лодѣе мы Русь . и допровадимъ с куплею ихъ по здоровью . ти аще ключитсѣ близъ земли Грѣцкы . аще ли ключитсѣ тако же проказа лоды Русѣи . да прѣводимъ ю в Рускую землю . и да продають рухло тоѣ лодѣе . и аще что можеть продатн ѿ лодѣе . воволочимъ имъ мы Русь . да егда ходимъ вѣвъ Грѣкы или с куплею . или в солбу къ црѣви нашему . да пустимъ ѣ . съ чѣтью . проданое рухло лодѣе ихъ . аще ли ключитсѣ кому ѿ тоѣ лодѣе . в ней оубьену быти . или бьену быти ѿ на^е Русѣ . или взятн что любо . да новинны будутъ то створшии . прѣ^жере^нную епитѣмьею» [Ипатьевская летопись, 2001, 26].

¹⁴ О формировании на Руси представлений о собственности знати и населения см. подробнее работы М. Б. Свердлова [Свердлов, 1978, 40–56; Свердлов, 1988, 107–112].

Прежде всего, инок Феодор проживал в удалении за стенами монастыря, в пещере. То есть варяжские пещеры располагались на княжеской земле. Здесь необходимо заметить, что незадолго до описываемых событий Изяслав Ярославич передал часть горы монастырю. Об этом сообщают Печерский патерик (Слово 7): «И нача Богъ умножити *черноризцевъ* молитвами пресвятыа Богородица и преподобнаго Антониа, и съвѣтъ створиша братиа съ игуменом поставити монастырь. И идоша паки къ Антонию, и рѣша ему: „Отче, братии умножается, и хотѣли быхомъ поставити монастырь“. Антоний же, рад бывъ, рече: „Благословенъ Богъ о всем, и *молитва* святыа Богородица и сущихъ отецъ, иже въ Святѣй Горѣ, да будетъ с вами!“ И сиа рек, посла единаго отъ братиа къ князю Изяславу, рекъ тако: „Княже благочестивый, *Богъ* умножать братию, и мѣсце мало, просимъ у тебѣ, дабы еси намъ далъ гору ту, иже надъ печерою“. Князь же Изяславъ, сиа слышавъ, зѣло радостень бысть, и посла къ нему боярина своего, *дастъ* имъ гору ту» [Киево-Печерский Патерик, 2004, 320]. При этом источники не уточняют ни условий передачи, ни границ передаваемого участка, ни что понимается под горой: весь холм или только его часть, на которой размещалась обитель. Если принять во внимание, что гора венчалась княжеским замком, крайне сомнительно, чтобы князь отдал инокам всю гору. Поэтому вернее в княжеской милости видеть передачу Печерскому монастырю части холма, на котором располагалась обитель. Следовательно, найденный клад находился на княжеской земле и Феодору надлежало передать половину имущества великому князю и его людям.

Столь же очевиден тот факт, что, по наущению беса или же руководствуясь собственными желаниями, Феодор искал клад, и делал это без одобрения собственника земли. А следовательно, это автоматически лишало Феодора каких-либо прав на найденное им. Более того, Феодор утаил от собственника факт обнаружения драгоценностей, что само по себе при определенных обстоятельствах также могло рассматриваться как воровство.

Впрочем, пещера, согласно патериковому повествованию, служила местом иноческого подвига не только прп. Феодора, но и прп. Антония, а следовательно, могла быть признана в качестве «священного места», чего, правда, в тот период еще не произошло¹⁵. Если для иноков это место было значимым, хотя отнюдь еще не священным, то в поведении князя и его людей никакого пиетета перед пещерой не обнаруживается. Но и в этом случае иноку надлежало расстаться с половиной найденного, передав ее в качестве «налога». То есть князь в любом случае не утрачивал прав на сокровища.

Таким образом, решительность, с какой Мстислав потребовал доли клада, вероятно, в пользу Святополка Изяславича, или, по меньшей мере, руководствуясь

¹⁵ Римское законодательство предельно точно определяет, что есть «священное место» и при каких условиях оно таковым признается. VII Титул Дигест Юстиниана дает предельно ясное определение священных мест и их признаков: «(Ульпиан). Священные места — это те, которые публично посвящены (богам), безразлично, находятся ли они в городе или в поле. § 1. Следует знать, что публичное место может стать священным тогда, когда принцепс посвятил его или дал (кому-либо) власть посвятить. § 2. Следует заметить, что священное место — это одно, а святилище — другое. Священное место — это освященное место, а святилище — это место, в котором покоятся святыни; это может быть и в частном здании; если хотят освободить место от его религиозного характера, то следует вынести оттуда святыни. § 3. В собственном смысле слова мы называем святым то, что не является ни священным, ни светским, но что является неприкосновенным (Буквально: укреплено санкцией. Слово „sanctio“ (санкция) происходит от „sanctus“ (святой), но „sanctio“ означает не только „освящение“, но и „посвящение“, „обращение“ и часто имеет смысл „объявление чего-либо неприкосновенным“); так, законы являются святыми, ибо они закреплены некоторой санкцией. Что подкреплено некоторой санкцией, то является святым, хотя бы и не было посвящено богу (У Ульпиана, вероятно, было „Юпитеру“ или „богам“); иногда в санкции устанавливают, что тот, кто совершит там нечто (вопреки закону), наказывается смертью. § 4. Муниципальные стены нельзя ни восстанавливать без разрешения принцепса или презеса, ни присоединять к ним, ни помещать на них что-либо. § 5. Священная вещь не подлежит оценке» [Юстиниан, 1984, 41 [Титул VIII. О делении вещей и свойствах их (De divisione rerum et qualitate); № 9)].

своим родством с великим князем, с позиций римского права видится оправданной, оправдана она и исходя из норм русского обычного права, не менее твердо отстаивавшего права собственников земельных участков. Понимали ли это иноки? Скорее всего, да. Мстислав осуждается в Патерике не за то, что взыскивал сокровища, а за то, что искушенный бесом, не поверил преподобным инокам и мучил их. Однако нельзя не признать, что, скрыв от князя факт находки найденных сокровищ, монахи в своем поступке вступали в противостояние с римскими нормами, что могло интерпретироваться как утаивание или присвоение найденного или утраченного.

Заключение

Все перечисленное выше позволяет прийти к выводу, основные положения которого уже прозвучали выше. Несомненно, совершенное по воле Мстислава Изяславича убийство иноков Василия и Феодора стало результатом жестокости князя. Этому во многом способствовало отсутствие в монастыре игумена Иоанна, сосланного в Туров. Однако не менее очевидны и иные обстоятельства, которые упускаются историками и которые старательно сгладили составитель рассказа. Феодор проживал на княжеской земле, за пределами обители. Найдя сокровища, он скрыл их от властей, собирался присвоить, а после упрятал. Все перечисленное вступало в противоречие с нормами римского права, по которому жила христианская Церковь, и нормами обычного права Руси. Судя по всему, отмеченную сторону произошедшего отчасти осознавали и в монастыре. Впрочем, автор патерикового рассказа был сосредоточен на моральной стороне совершившегося, тем более что в описанный в рассказе период обитель Антония и Феодосия регулярно сталкивалась с княжеской несправедливостью. В результате можно в полной мере согласиться с теми, кто считает, что эта история, как и иные другие подобные ей истории, была обращена не только к монашествующим, но и к князьям, ктиторские права которых над Печерской обителью обязывали тех к добродетельной и благочестивой жизни.

Источники и литература

1. Бессуднова (2015) — *Бессуднова М. Б.* Береговое право средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 135–147.
2. Гайденко (2015а) — *Гайденко П. И.* Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI — первой половины XIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 4 (12). С. 48–78.
3. Гайденко (2015б) — *Гайденко П. И.* Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2015. № 4. С. 31–53.
4. Галимов (2019) — *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 256 с.
5. Данилевский (2002) — *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. № 4. URL: <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Юстиниан (1984) — *Дигесты Юстиниана* / Пер. с лат. И. С. Перетерский; ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. 456 с.
7. Киево-Печерский патерик (2004) — *Киево-Печерский патерик* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489.

8. Максимов (2014) — *Максимов В.И.* Стугна и Днепр, или История утопления юного князя Ростислава, брата Мономахова, по тексту «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 16–17 / РАН; ИМЛ; отв. ред. М. В. Первущин. М., 2014. С. 886–897.

9. Ипатьевская летопись (2001) — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

10. Послание владимирского епископа (1880) — Послание владимирского епископа к местному князю // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 117–118.

11. Правила на обидящих (1880) — Правила на обидящих церкви и духовную иерархию, приписываемое пятому вселенскому собору // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 145–146.

12. Присёлков (2003) — *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.

13. Присёлков (1923) — *Присёлков М.Д.* Нестор летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1923. [2], II, 5–112, [4] с.

14. Римское частное право (2012) — Римское частное право / [И. С. Перетерский и др.]; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический ф-т. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2012. 560 с.

15. Рыбаков (1963) — *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 361 с.

16. Свердлов (1978) — *Свердлов М.Б.* Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси // Вопросы истории. 1978. № 8. С. 40–56.

17. Свердлов (1988) — *Свердлов М.Б.* Проблема земельной собственности в Древней Руси в отечественной историографии // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм): Тезисы докладов и сообщений: в 2 т. / Академия наук СССР, Отделение истории, Научный совет «Исторические пути и общие закономерности развития народов СССР в дооктябрьский период», Институт истории СССР, Академия наук МССР, Научный совет «Закономерности исторического развития и смены общественно-экономических формаций в Молдавии (досоветский период)», Институт истории им. Я. С. Гросула; отв. ред. В. Л. Янин. М.: Институт истории СССР, 1988. С. 107–112.

18. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина (2005) — Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233–272.

19. Слово о полку Игореве (2004) — Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 254–267.

20. Творогов (1987) — *Творогов О.В.* Иоанн (XI в.) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 210.

21. Толочко (2003) — *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с.

22. Шахматов (2003) — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 1024 с.

23. Шахматов (1897) — *Шахматов А.А.* Киевопечерский патерик и Печерская летопись. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1897. 50 с.

24. Шапов (1989) — *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.

25. Шапов (2001) — *Шапов Я.Н.* Архимандрития // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2001. Т. 3. С. 578–579.